

П.С. Гуревич

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Уткин А.И. XXI век. М.: Институт экономических стратегий, 2011. 352 с. (тираж 1000 экз.)

Человек живет ровно столько, сколько его помнят на Земле. Боль от утраты этой выдающейся личности живет не только в сердцах близких. Память о нем дорога и тем, кто не был даже знаком с ним, но знал его как выдающегося российского историка и политолога, автора огромного количества исторических книг.

На протяжении многих столетий и тысячелетий пророчества не воспринимались всерьез. Глубинно провидческое в них оценивалось как невнятное. Библейская символика постепенно размывалась в толще веков. Забывался язык Божьих возвещений. Только в начале нашего тысячелетия стало вдруг обнаруживаться, что иное слово вековечных предсказаний исполнено поразительной мощи и точности.

Видения библейских пророков уже перестали быть метафорой. Так считает, например, известный современный теолог Пауль Тиллих. «Основания земли сотрясаются» — это становится реальностью.

Как настоящий историк А.И. Уткин заглядывал и в будущее. Рецензируемая монография описывает международные отношения в нашем столетии под влиянием геополитических перемен, вызванных подключением незападных стран к капиталистическому развитию или к хозяйственной демократии и (как Китай, Вьетнам). Интенсивный экономический рост этих стран создает огромную нагрузку на Землю, делая экологическую ситуацию — конкуренцию в добывании ресурсов, воды, энергии — новым источником геополитической конфронтации, новых геополитических союзов, которые уже сейчас стали предметом эколого-политических дискурсов.

Множество противоречащих «сценариев», «моделей», «прогнозов», которые складываются в современной социальной философии, создают впечатление, будто история чревата тектоническими сдвигами. Компьютер взял на себя роль оракулов. Проигрывая самые различные сцена-

рии «штурма будущего», исследователи хотят убедить нас: историю можно пригласить в любое приключение идиллического или авантюрного свойства. А там уж как получится...

Исторический процесс нередко описывается в современной футурологии какт вереница случайностей. Он оказывается подобным броуновому движению. В итоге рождается чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит вовлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной истомившейся жертвой самоорганизующихся прогнозов. Любое прорицание неожиданно может завладеть сознанием людей и стать ориентиром поведения.

Однако, несмотря на ренессанс всяческих предвидений, современные футурологи нередко попадают впросак. Но, увы, это относится не только к современным пифиям. Платон и Аристотель, размышляя над проблемами «идеального государства», считали рабство естественным спутником человечества. О крушении этого института они даже не догадывались. «Футурологи» средних веков могли бы, вероятно, предсказать, что в будущем монахов станет неизмеримо больше. Или вот уже на подворье эпоха Просвещения: юношам рекомендуют быть законопослушными, тянуться к знаниям. А иные юноши ведут себя крайне странно. Взяв в руки кинжал, накиннули на себя плащ, повесили на шею эффектный шарф. Ну, кто мог догадаться, что именно они и возвещают начало новой эпохи — ее назовут потом романтизмом.

Но у А.И. Уткина прогнозы опираются на конкретность получаемых энергий, политических расчетов, интуиций о грядущей битве за ресурсы. Поэтому его монография выгодно отличается от исследований, скажем, американского социолога Э. Тоффлера. Тот использует социологически конкретные факты, но нередко увлекается безудержным прогрессизмом. Он так поспешно пытался катапультировать мир в «постиндустриальное

общество», что фактически проглядел многие тенденции мирового развития, о которых идет речь в монографии А.И. Уткина.

Самое поразительное, аграрная стадия человечества, вопреки прогнозам Тоффлера, не сгинула. Сегодня наиболее проникательные эксперты советуют многим странам обратить внимание на аграрный сектор. Что же касается России, то она пошла за Западом. Вещали: стоит ли вкладывать средства в сельское хозяйство, когда можно купить закордонные бананы и пшеницу? Труд на полях стали оценивать как бесперспективный, не заточенный под эпоху.

Но вот футурологи во всем мире заговорили о новой угрозе продовольственного кризиса. Население планеты множится. Замаячила безрадостная перспектива мировой нехватки продуктов. Миллионы азиатов обнаружили, что рис может быть не только едой, но и приправой для первого блюда. Поля и уголья обрели геополитическую ценность. Но разве дело только в этом?

Деревенский уклад жизни — особый культурный код, во многом определяющий национальный дух. Веками складывался особый образ мысли, жизни, культурной повседневности. Формировались культурно-исторические типы, с присущими им специфическими чертами в художественно-эстетической, нравственной, религиозной, экономической и социально-политических сферах. Не будет села, не будет и нации. Об этом предупреждал великий русский философ Н.Я. Данилевский: этнос может превратиться в население, в обычный демографический материал для других наций. Так исчезла античная цивилизация, оставив на своей территории греков. Ушла и римская культура, а итальянцы наследуют только прежнее пространство

Краткий миг между прошлым и будущим, несоразмеримый даже с продолжительностью средней жизни. Но сколько разломов, уключин, бросков и немислимых попыток дерзкого парашютирования в неизведанное историческое пространство. Какое множество дерзаний, направленных на желание разорвать социальную ткань, расшить ее по новым лекалам. Главное, что, на мой взгляд, отличает эту пору — неспособность совместить традицию и социальное развитие, преемственность и преображение. И в то время основной итог последних десятилетий — смутное ощущение значимости традиции в судьбах страны. Залог будущего успеха — в должном сочетании традиции и развития.

Пока мы оплакивали не востребовавшийся нами китайский путь модернизации, в газетах этой державы стали появляться снимки, мучительно сходные с отечественным архетипом. На фоне кирпичной стройки три китайца, развалившись на местном ландшафте, блаженно потягивают пиво. Властители Китая срочно озаботились восстановлением неоконфуцианства в стране. Появились статьи о достоинстве труда и послушания. Но подземные толчки истории неумолимы.

Боже правый, в какие же это фантастические сроки европейский проект, глобализируя мир, смел вековые традиции, заветы мировых религий, непоколебимые святыни. Мир поражен цепочкой социальных потрясений на Ближнем Востоке. В Индии ценность данной земной жизни неотвратимо отступает перед соблазном последующих реинкарнаций. Человечество поспешно расписалось под фразой Хлестакова: «Для того и живем, чтобы срывать цветы удовольствия.

Политики больше не нуждаются в огляде на глубинные истоки бытия. История утратила сакральность. Сбылось предсказание Николая Бердяева, теология уступила место социологии. Власть перестала быть священной. Оказалось, что властители такие же люди, как и все, помышляющие о стяжании богатства любыми доступными им способами. Мир хочет новизны.

Люди эпохи Ренессанса тоже думали, что с них собственно и начинается история. Они мнили себя первопроходцами, хотя и осознавали, что возрождают античность. Традиция часто кажется случайной разменной монетой, паролем архаики и нелепой старины. Но именно в традиции кристаллизован огромный социальный опыт. Традиция знает ответы на главные человеческие вопросы. Ее нормативный код позволял ей выстоять в борьбе со временем. Только она может обеспечить общественное согласие и стабильность. Лишь из нее, как из тростника, согласно О.Мандельштаму, можно «извлечь богатство целой ноты». Альтернатива ей — погром бытия...

Ощущение новизны и непредсказуемости мирового развития растет, поддерживаемое новыми витками экономического мирового кризиса, начавшегося в США, но, как подчеркивает А.И. Уткин, но сегодня терзающего Европу, количеством природных катастроф, кризисом ценностей, сменой нравов, возрастающей ролью религий в политическом процессе, терроризмом и т.д. (с. 9).

Автор монографии исходит из предупреждения Т. Фридмана, который считал XXI век — «новой эрой энергии и климата». Данную книгу А.И. Уткин рассматривает как эколого-политический дискурс. Всякий, кто наблюдает за быстрыми преобразованиями мирового порядка, видит, что три волны бьют в борта человеческого ковчега в начале второго десятилетия XXI века:

- новые экономические гиганты (в основном азиатские страны) все больше берут свою долю ископаемых Земли;
- радикальный ислам вошел в глубокий конфликт с Западом — и не только в Иране и Афганистане;
- Запад после пяти столетий всевластия стал ощущать ослабление своей мощи, тем не менее все более стимулируя массовую иммиграцию молодой рабочей силы с Востока.

А.И. Уткин считает, что два фактора изменили природу глобализации в XXI в. — возникновение радикального ислама и феноменальный рост азиатских стран. Эта перемена, смещение реальности создали новый мир. Мировая показывает, что большинству стран не удалось отцепиться и от «второй волны». Да, началась бурная деиндустриализация Запада. Производство дислоцировалось в те страны, где дешевая рабочая сила. Однако маргинальное положение России не позволило стране «прицепиться» к паровозу. Теперь уже очевидно, что ни одна страна не сможет добиться развития, пользуясь только программным обеспечением, финансовыми услугами, туризмом или высокими технологиями.

«Геополитика начала XXI в., — пишет А.И. Уткин, — являет собой по существу хаотический результат конфликта различных сил: с одной стороны, происходит усиление мировой фрагментации и конфликтов в национальных, территориальных, этнических, религиозных и культурных вопросах: с другой стороны, используются дипломатические усилия по «возвращению» отклоняющихся стран «в систему», к глобализационным усилиям, к благам демократии. Дипломатические усилия предпринимают прежде всего западные страны — государства Европы и Соединенные Штаты Америки» (с.22).

По убеждению А.И. Уткина, четыре процесса, налагаясь друг на друга, определяют ход XXI в.:

1. *Демографическое развитие.* К 2050 г. население Земли увеличится на 2-3 (по разным прогнозам) млрд. человек, но только 12 проц. мирового населения придется на раз-

витые западные страны, а 80 проц. — на развивающийся мир. Затем численность населения начнет убывать.

2. *Рост значимости религиозного сознания и религиозных движений.*
3. *Истощение земли.* Основные ископаемые в течение века продемонстрируют свою конечность, отягощая конфликты из-за ресурсов.
4. *Новые гиганты* (прежде всего Китай, Индия, Россия, Бразилия) выйдут на мировую арену, обгоняя традиционный Запад. Центр мирового развития сместится к Восточной Азии, заменяя традиционный эпицентр в Северной Атлантике (с. 26).

Мир нуждается в долгосрочных прогнозах. Но и в анализе футурологических неудач. Герман Кан был признанным лидером американской пророческой прорицательской школы. Он попытался в свое время показать, каким станет для западных стран конец минувшего столетия. Кое-что, разумеется, удалось предвидеть. Но вот среди прочих прорицаний было отмечено, что зона рационального сознания будет разрастаться, религия и всякая там мистика будут угасать. Однако в конце прошлого столетия неожиданно для всех прогнозистов началась новая мистическая волна. Все получилось как раз вопреки сценарию. Именно рационализму пришлось уступить.

Началось религиозное возрождение. То, о чем писал Н.А. Бердяев: «Опять возможны станут страстные споры о тайнах божественной жизни», судя по всему, становится реальным. Начавшийся в эпоху Возрождения секуляризации дал отмашку: маятник качнулся в другую сторону. Расколдованный («разволшебствованный», по слову М. Вебера) мир двинулся в сторону набожности. Начался «реванш богов», именно так культурологи назвали этот феномен. Усилилась критика рационалистической традиции, возник обостренный интерес к вере. Но религиозный бум вместе с тем установил четкие демаркации.

Религиозный бум несет не экуменические волны. Он происходит в форме рехристианизации, реиндуизации и реисламизации мира. Рождаются мощные фундаменталистские движения. Но природа их оказалась двойственной. С одной стороны, фундаментализм позволяет обращаться к традиции, которая служит основанием для прочищения прогрессистских иллюзий. С другой стороны, он предлагает не столько разматывание назад исторических витков, сколько достижение нового социально-культурного идеала.

Европа затрепетала от исламской угрозы. Восток возвестил кончину белой расы в исторической перспективе. Мощно обозначил себя афроцентризм. Поэтизация расы нашла отражение в стремлении Японии вернуться в Азию, в «индуизации» Индии, реисламизации Ближнего Востока. Уже отмечалось, что Самуэль Хантингтон предупредил человечество о том, что в современном мире противоборство различных цивилизаций, вскормленных различными религиями. Углубится противостояние рас и религий. Взаимовлияние культур, которое А. Тойнби называл «радиацией культур», а Н.Я. Данилевский — «почвенным удобрением» исчерпало себя. Теперь — отторжение...

Каким будет мир будущего — религиозным или безбожным? Эта проблема представляет огромную важность для человечества. Начиная с эпохи Возрождения начался мощный процесс секуляризации, который олицетворяет разрыв с традиционным христианством. Сегодня многие социальные критики показывают отрицательные последствия этого процесса. Секуляризация привела к кризису личности, процессам дегуманизации. Она породила псевдохристианские секты. Культура постмодерна по своим основным мировоззренческим принципам является антихристианской культурой. Однако трагизм темы связан с тем, что сегодня во всем мире говорят о религиозном буме. При этом выясняется, что дальнейшее развитие человечества осложняется столкновением мировых религий. Это порождает множество проблем культурологического содержания.

Никто не предвидел также замедление роста населения. Его распределение, естественно, влияет на систему международных отношений, на каждую отдельно взятую страну. Существенно, что демография по-разному скажется на основных регионах Земли. В индустриальных странах население живет дольше. Но здесь стремительно сокращается молодое поколение, что ставит под вопрос жизненный уровень страны. В этой исторической полосе уже находятся Европа и Япония.

А.И. Уткин показывает, что обращение к новым источникам энергии помогло человечеству за последние полтора десятилетия серьезно продвинуться в экономическом развитии, что обеспечило и демографический рост. «Возобновляемая энергия, такие ее виды, как солнечная, энергия ядерного синтеза, энергия ветра, биоэнергия

станут крайне важными в будущем. Инновации в энергетической сфере потребуют многомиллионных инвестиций. Экономический рост и производительность труда сократятся, если новые энергетические решения не будут изобретены достаточно быстро» (с.42).

Да, действительно началась невиданная прежде гонка за ресурсами. Ее вызвало крепнущее представление о неизбежности истощения наиболее важных земных ископаемых. Это, по словам А.И. Уткина, не первый случай такой гонки и паники. В XIX в, наиболее ценными представлялись уголь и железная руда. Истощение угольных запасов оказалось менее важным, поскольку открылась главная роль нефти, особенно после Второй мировой войны. Теперь же мир ожидает либо нахождение новых грандиозных запасов нефти, либо изобретения горючего материала.

Чрезвычайно важными в книге можно считать анализ новых лидеров мирового развития. После сверхиндустриализации китайцы могут сохранить верность конфуцианской культуре, не изменяя своему прошлому, национальным традициям, самоуважению. Индия, как и Китай, ориентирована на глобальную экономику. Скорость экономического роста Китая и Индии была больше, чем у их предшественников и поразила весь мир. Экономический бум в Китае и Индии имеет и будем иметь свое отражение в культуре и глобальный отклик в политике и экономике стран мира. Однако А.И. Уткин не ограничивается общими соображениями. Он показывает реальные трудности, которые ожидают эти страны.

Глобализация открыла огромные возможности для развития культуры. Сближение традиций, стилей, жанровых особенностей искусства — это примета наших дней. Но в то же время есть опасность, что в процессе глобализации будут стираться национальные черты отдельных культур. Против этой тенденции выступают многие страны. Так, во Франции изо всех стараются противостоять американизации культуры. Но и не только во Франции. Особенно большую тревогу выражают сторонники вековых восточных культур. В противовес глобализации набирают силу локальные (местные, этнические) культуры.

Сталкиваясь с глобалистскими тенденциями, локальные культуры неизбежно стараются перекодировать унифицирующие факторы на собственный лад. Так рождается феномен «япо-

низации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или Алжире). Ту же самую миссию выполняют знаменитые телевизионные сериалы, индийские или бразильские. Поэтому на самом деле важно осознать, насколько глубоки те или иные измерения глобализации, какова реальность тех или иных культурно-исторических тенденций.

Формируется новый тип культурной локальности, не совпадающей с национальным. Он объединяет людей не по национальному признаку, а по общности их культурных предпочтений, то есть на основе свободного выбора ими своей культурной идентичности. Так, поклонники музыкальной попсы и классической музыки есть во всем мире, образуя культурные общности, одновременно глобальные и локальные.

Зона потенциальных столкновений — исламский мир. В условиях глобализации он оказался наименее выигравшим. Да, глобализация противоречит иерархии, святыням мусульман, их коллективным ценностям. «Характерная черта исламского мира — огромной части человечества в XXI в. — нестабильность. Эта

локальная нестабильность приведет к общеисламскому взрыву, но может дестабилизировать мир. В исламском мире выделяются лидеры — как те, кто прошел определенный путь модернизации и светских преобразований, так и страны, вернувшие или не покидавшие связей со своими исламскими основами» (с. 147). Однако американские футурологи полагают, что войны с миром ислама не будет.

Крайне любопытно, что общие прогнозы, выстроенные талантливым ученым, охватывают не только начало века, но и его завершение. Такую монографию важно не только прочитать. К ней можно обращаться по любому поводу не ради эмпирической конкретики, но и в интересах проверки прогностической мысли.

Заглядывая в грядущее, мы пока находимся в сфере влияния глобализации. Грезится некая универсальная общепланетарная цивилизация. Но, может быть, человечество сочтет целесообразным оставить на земной поверхности оазисы давно ушедших веков? История — раскрытая книга человечества. Но в любом случае монография А.И. Уткина останется для прогнозистов необходимым подспорьем.